

Катя Плетнёва

г. Москва

Стягивая рану,
Вьётся чудо-нить.
С первого стакана
Всех начну любить.

Изнутри по телу
Разольётся ртуть.
Поднимусь на сцену,
Сдюжу как-нибудь...

Кто-то скажет прямо:
Охренела, мать!
Со второго, пьяной,
Буду танцевать.

Подзасохли ноты.
Облупился лак.
Да на кой мне кто-то?
Хорошо и так...

Но польётся прана.
В плясе, не скорбя,
С третьего стакана
Я прощу тебя.

Счастье ненадолго.
Пятый и шестой...
Я завою волком.
Ладно. Бог с тобой.

Не поддамся сплину.
Буду как гранит.
Вновь подставлю спину:
Что ты... Бог простит.

Сыпется время, открыты порталы в иное,
Лето скорбит, на одно припадая колено,
Тихо внутри, и не рвётся душа и не ноет,
Вечером пыльным домой
возвращаясь из плена.

Было – и было, прошло – и прошло, не
жалеем,
Благодарим, отпуская на вольную волю...
Как-нибудь мы соберёмся под парусом белым
И непременно обнимемся нежно с тобою.

Встала стена, и невидимо делит граница,
Не дотянуться рукой, не достать, но осталась.
Будет меня охранять и молиться, и сниться
Наша любовь, наша общая вечная радость.

По опыту минувших лет
Я дую на свечу –
Мне ярк свет. Я жду и нет,
Хочу и не хочу.

Пунктир на призрачной меже
Начертан молоком,
Я здесь уже, а на душе
И тяжело и легко.

Есть что-то злое, не моё
В нашествии весны,
А очертания её
Нечётки и бледны,

А дальше – миллионы слов,
И ночи, и дожди,
И свет, и дно, и надо вновь
Куда-нибудь идти.

Продираясь сквозь собственный опыт,
Отвергая привычные стены,
Я свои разбираю полёты,
Я былые листаю поэмы.

Всё уж было, и всяко бывало –
И светло, и искристо, и пенно...
А теперь, не спеша и устало,
Вопрошаю: а так ли уж ценно

То, что было и нужно, и мило?
И сегодня, спустившись со сцены,
Я всему, что давно уже сгнило,
Назначаю реальную цену.